Рассидин Я.С. Об албанцах, греках и славянах в Пелопоннесе XIV—XV вв. / Я.С. Рассидин // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск :БГУ, 2012. С. 141-145.

Я. С. Рассадин

ОБ АЛБАНЦАХ, ГРЕКАХ И СЛАВЯНАХ В ПЕЛОПОННЕСЕ В XIV—XV вв.

Пелопоннес, бесспорно, представляется исконно греческим. Такого мнения исстари придерживалось местное население, в частности, южнопелопоннеского полуострова Мани (Майны), известное как μανιτες, или μανιάτες. «Майноты... называют себя потомками древних спартанцев», — сообщал московский журнал «Вестник Европы» в начале XIX в. [18, с. 144]. Однако уже в XIII в., согласно Г. Г. Литаврину, у греков, за исключением узкого круга интеллектуалов, сознание генетической связи с древними эллинами отсутствовало [23, с. 177]. Представления, наподобие упомянутых майнотских, распространяются также и среди разбросанных по свету греков в конце XVIII — начале XIX в. под влиянием популярного тогда неоэллинизма.

Однако полуостров нередко назывался исключительно по-славянски — Morea. По мнению же Я.-Ф. Фалльмерайера, новая Греция вообще и Морея в частности сформировались во многом на славянской основе, которую в XIV в. заменила албанская [5, s. 256]. Для новогреческой науки характерно неприятие подобных взглядов [8, s. 74]. Поэтому пришлось, в частности, задним числом «эллинизировать» несомненно албанских предков значительной части современных греков, в том числе пелопоннесских. Несколько изданий выдержала монография «Албанцы, дорийцы современной Греции» [10]. Если К. Бирис именует этих албанцев «дорийцами» в переносном смысле, то другие придерживаются мнения об их греческой идентичности: Απβανὺìτες ήταν μόνο Έλληνες («албанцы были эллинами»). По Ф. Питсиосу, албанские группы Мессинии, Арголиды и Коринфии неотличимы от основной массы греческого населения Пелопоннеса [11]. Однако еще А. А. Васильев выступал против «новой албанской теории», выдвинутой К. Сафасом, который всех пелопонесских славян средневековых источников называл этническими албанцами. А. А. Васильев определил подобный вывод как не имеющий научного значения [13, с. 436—437].

Как и другие части современной Эллады, Пелопоннес усеян славянскими названиями. Топонимы эти явно древние, поскольку значительная их часть — раннеславянские термины расчистки земельных площадей: Kъrčuna, «корчевка»; Lazъ, «новь»; Prosěka, «просека» [25, с. 50]. Имеются археологические свидетельства массового присутствия ранних славян в Пелопоннесе начиная уже с VI в. [1, p. 80—104; 7, s. 11 сл.].

Согласно «Морейской хронике», анакаталипсия, то есть отвоевание Пелопоннеса у франков, была осуществлена в 1260—1261 гг. императором Михаилом VIII Палеологом в союзе также и с местным славянским племенем мелингов — «drongos of the Melings» [3, p. 204 сл.]. Славяне Эллады, в том числе Пелопоннеса, остались без прямых потомков, поэтому интерес к их истории всегда лишь сторонний. С другой стороны, современные пелопонесские арваниты (αρβανίτες) еще не забыли не только свое происхождение, но и свой диалект. Однако при этом они усвоили греческое самосознание настолько, что возмущаются, когда их называют албанцами.

Таким образом, необходимо пытаться установить истинное значение для новогреческого Пелопонннеса как славянского, так и более позднего албанского субстрата. Недостатка в источниках не ощущается, так как в XIV—XV вв. албанизация этого греческого, но в значи-

Рассадин Ярослав Сергеевич — аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Белорусского государственного университета

тельной мере «ославяненного» полуострова протекала на глазах целого поколения византийских авторов: Ласкаря Канана [14, с. 3—8], Михаила Эрмодора Критовула [33, с. 91—117], Мазариса [28, с. 318—357], Георгия Гемиста Плифона [19, с. 386—412], Георгия Сфрандзи [20, с. 187—240], Лаоника Халкокондила [16, с. 133—160; 17, с. 190—199; 22, с. 431—444]. Письменные известия дополняются другими данными — от историко-этнографических до новейших историко-генетических. О ранних и позднем этапах истории Пелопоннеса повествуют две анонимные хроники — Монемвасийская и Морейская. Автор первой считается не византийским ромеем, как все упомянутые выше, а пелопоннесским эллином [2; 30, с. 326]. Автора второй некоторые считают «грецизированным франком», другие — «морейцем, ассимилированным франками» [12, с. 67; 27, прим. 13].

Согласно «Монемвасийской хронике» все настоящие греки-лаконцы покинули родную землю еще в VI в. Часть из них вообще эмигрировала за пределы полуострова — на Сицилию. В X в. они именовались там уже «деменнитами» (Δεμεννιτοί), сохраняя собственный диалект («язык лаконцев»). Приводятся данные и о второй части потомков истинных лаконцев, также изгнанных из Спарты, но оставшихся в Пелопоннесе. Они нашли себе убежище не на мысе Матапан, где находилась крепость Майна (Μάνη) и где позже стали известны причислившие себя к спартанцам майноты. Майноты всегда обитали на южном побережье Пелопоннеса, а искавшие спасения от славян лаконцы, по словам анонимного автора хроники, обосновались на восточном. Там ими было найдено труднодоступное место, где и возник город-убежище — Μονεμβασιά. В окрестностях Монемвасии автор хроники называет еще и горных пастухов, цаконов, τςακωνί которые им тоже причисляются к потомкам древних спартанцев [30, с. 329]. Не их потомством считал майнотов также и Константин Багрянородный. Согласно Г. Г. Литаврину, весь вопрос заключается в том, кто здесь подразумевался под этими «более древними Ромаион»: древние римляне или греки? [21, с. 226].

В пользу «спартанского» происхождения современных манойтов говорит разве что близость мест их проживания к столице дорической Лаконики [18, с. 143]. От прочих греков их отличал обычай кровной мести, которая как раз в албанской среде представляла собой один из основных инструментов урегулирования всевозможных конфликтов. «Убийства и кровавая месть — обычные явления албанской жизни», — писал А. М. Селищев. Он ссылается также на любопытную этнографическую особенность: в тех албанских краях, где наиболее распространена кровная месть, чаще всего встречаются и постройки с «куллами» в виде каменных башен. Некоторые албанцы по нескольку лет отсиживались в своих «куллах» от тех, кому они «задолжали кровь» [32, с. 88]. Таким образом, вопреки их «псевдолаконскому» происхождению у маниотов мы находим такое же, как и у албанцев, сочетание обычая кровной мести с характерным типом постройки. Манойтский сельский дом тоже нередко представлял собой мини-крепость, башню (πιργος). Имеются свидетельства, что свои «куллы» возводились албанцами также и в Пелопоннесе. Повествуя о пелопоннесском восстании албанцев в 1454 г., Лаоник Халкокондил сообщает, что они, желая усилить крепость Барботию, находившуюся в деспотате Мистры, соорудили на подступах к ней башню [16, с. 156]. Согласно другому поздневизантийскому историку, Георгию Сфрандзи, поселившиеся в Пелопоннесе албанцы любое поселение воспринимали, прежде всего, как укрепление — castra [20, с. 240].

Историко-этнографические албано-пелопоннесские параллели очевидны. Однако отметим факт значительной славянизации албанцев. В науке утвердилось мнение, что их формирование произошло на основе древнего иллирийского этноса при ассимиляции славян, осевших на территории нынешней Албании. В северной ее части к VII—IX вв. относятся памятники соответствующей синкретической археологической культуры — команской [31, с. 165]. И позднее, в том числе в XIII—XIV вв., здесь активно шли процессы «обалбанивания» (по А. А. Селищеву) многочисленных славянских, в основном болгарских, групп [32, с. 54 сл.]. Ряд славянских элементов фиксируется в фольклоре пелопонесских греков [26, с. 89].

К началу XIX в. часть потомков переселенцев с севера успела эллинизироваться вплоть до превращения в «супергреков», наподобие майнотов. Генетики считают так называемую Y-гаплогруппу E1b1b1-M35 наиболее распространенной среди албанцев, особенно косовских: 44 % принадлежат именно к ней. Второй центр концентрации той же гаплогруппы расположен в Пелопоннесе, где из современных греков к ней принадлежат также 44 % [7, p. 389; 24, с. 657]. Еще Я.-Ф. Фалльмерайер, посетивший полуостров в начале XIX в., обратил внимание, как часто встречаются у местных греков брови и резкие черты албанских горных пастухов, а также славянские по типу лица. Васильев цитирует также еще одно антропологическое наблюдение: некий пелопоннесец Никита кичился своим благородным происхождением, но при этом имел όφις έσθλαβωμένη — буквально: «хитрое славянское лицо» [13, с. 430].

Тенденция «эллинизации» происхождения едва ли не всех жителей полуострова восходит к Георгию Гемисту Плифону, который в 1415 г. писал: «Ибо с того времени, как помнят люди, эту страну населяли только греки, и никакие другие народы здесь не жили до них» [19, с. 397]. Но одновременно (между 1418 и 1448 гг.) Ласкарь Канан, путешествовавший по Северной Европе, высказал мнение, что Ζυγιῶται οἱ ἐν τῇ Πελοποννίσῳ («зигиоты, живущие в Пелопоннесе) происходят из «Стлавунии», лежащей около Любека, «так там говорят на языке зигиотов» — то есть по-славянски. По А. А. Васильеву, употребляемый Кананом этноним производен от греческого ζυγός — «горный хребет», в данном случае Тайгет [14, с. 3—8].

Плифон проигнорировал не одних только славян-зигиотов. В царствование Мануила II Палеолога (1391—1425) творил византийский сатирик, известный как Мазарис (Μάζαρις) — автор «Пребывания Мазариса в подземном царстве». «В Пелопоннесе, как ты и сам знаешь, друг мой, — сказано им — живут вперемежку очень много разных племен... Главнейшие из тех племен, языки которых ясно различаются всеми на слух, следующие: лакедемоняне, италийцы, пелопоннесцы, стлабины, иллирийцы, египтяне и иудеи (среди них немало метисов и подкидышей); всего их насчитывается семь племен» [28, с. 351]. Этноним Σθλαβινοί — славяне. Если Ἰλλυριοί у него так же, как, например, у Михаила Эрмодора Критовула, это архаизированно-книжное название албанцев, то из всего этого списка на соответствие Плифоновым грекам с определенной долей вероятности могут претендовать только Λακεδαίμονι и Πελοπόννησοί. Лаконцы, как это следует из текста самой Мазарисовой сатиры, кое-как, но все же говорили по-гречески [28, с. 347]. Цаконов, или чаконов, А. А. Васильев рассматривал как перемешанных со славянами славяногреков. В свою очередь, его «византийские новогреки, или ромеи, в городах и особенно по берегу моря» как раз и отождествлялись с Мазарисовыми «пелопоннесцами» [28, с. 323].

В отличие от эллинофилов, грек-туркофил Михаил Критовул нисколько не идеализировал пелопоннесских албанцев. Им полностью оправдывается расправа, учиненная в 1460 г. Мехметом II Факихом, лично прибывшим в Пелопоннес установить свой порядок [33, с. 118]. Описывая события 1453 г., когда все только начиналось, Георгий Сфрандзи полностью солидаризовался с ним в оценке пелопоннесских «иллирийцев». Им используется не архаическое, а уже новое их наименование: «худший и примитивнейший род албанцев» [20, с. 242]. Заподозрив обоих авторов-византийцев в предвзятости, для контроля можно привлечь мнение французского клирика XIV в.: албанцы якобы большие воры и рыскают ночью, как днем [6, p. 27].

Считается, что наиболее полная версия произошедшего в Пелопоннесе сразу после получения известия о падении Константинополя изложена у Халкокондила. Он в своих «Историях» однажды указал пелопоннесских славян в горах Тайгета и у Тенара под книжным названием Τριβαλλοί. Античные трибаллы в Пелопоннесе неизвестны, но дело проясняет наименование Халкокондилом «трибаллами» также и сербов [16, с. 135]. О каком бы то ни было участии этих пелопоннесских «трибаллов» в событиях 1453—1460 гг. Халкокондил не сообщает ничего (равно как и все остальные авторы). Славяне не упоминаются ни среди повстанцев, ни даже среди жертв восстания.

Е. Б. Веселаго полагала, что «пелопоннесцы» Халкокондила, объединившиеся с албанцами (Αλβανοί καί Πελοπόννησοί) в самый разгар восстания последних в 1454 г., — это, «может быть, даже славянское население полуострова» [16, с. 156]. Однако, как уже отмечено, эти Πελοπόννησοί, упомянутые Мазарисом наравне со славянами, скорее всего, к числу последних не относились. Кто именно были эти союзники албанцев, поясняет следующий факт. На первом этапе во главе восстания стоял, по-видимому, некий Петр по кличке «Хромой» (Πέτρος Χωλού), или Петр Боуа Склепа, согласно К. Коррес [9]. Боуа (Μπούα) принадлежали к числу тогдашних видных албанских фамилий. Столкнувшись с необходимостью выбрать себе другого предводителя, восставшие, по сообщению Халкокондила, вначале обратились к другим албанским вождям, но безуспешно, так как намеченные кандидатуры удовлетворяли не всех участников восстания [16, с. 152—153]. Поиск вождя среди греков и окончательный выбор в пользу Мануила Кантакузина, по-видимому, не оставляет сомнения в том, что восставшие в союзе с албанцами «пелопоннесцы» были именно греки. Хотя пренебрежение нормами обычно-родового права говорит, возможно, о том, что в Пелопоннесе перестали действовать некоторые священные законы албанских гор [20, с. 242].

С другой стороны, по-видимому, имела место попытка узаконить на полуострове албанское господство, добившись для Пелопоннеса статуса вассально-зависимого от Османской империи княжества. Бесспорную роль верховного легитимизатора на Балканах играл тогда Мехмет II Фатих. К нему-то и обратились предводители повстанцев с просьбой признать за ними Пелопоннес, обязуясь взамен передать османам его города, уплачивать ежегодную дань, предоставлять вспомогательные войска [16, с. 154]. Но султан предпочел им их противника, последнего деспота Мореи, на дочери которого он женился. Пелопонесских албанцев заведомо ожидало не безоблачное будущее, однако им удалось практически лишить будущего местное славянство [13, с. 437]. По-видимому, в Пелопоннесе славянам пришлось уступить свое место пришельцам вскоре по их появлении.

Как известно, впервые они появляются на этом полуострове по приглашению деспота Мануила Кантакузина (1348—1380). Их количество, согласно К. Бирису, было тогда небольшим. Однако деспот Феодор I Палеолог (1383—1407) привел сюда уже 10 тыс. албанцев, которые были поселены в пустынных местностях Пелопоннеса [10]. Возможно, что их численность здесь за полвека утроилась: по данным К. Биринса, Петр Хромой имел под своим командованием уже около 30 тыс. албанцев.

Как сообщает Халкокондил, албанцы предпочитали неприступные горы, поскольку на открытых местах чувствовали себя значительно слабее [16, с. 147]. Таким образом, в Пелопоннесе они неизбежно должны были претендовать как раз на ту экологическую нишу, что на протяжении многих столетий занимали славянские горцы-«зигиоты», жившие на Тайгетском хребте. Согласно тому же Халкокондилу, в захваченных ими областях Греции албанцы жили по-прежнему, как кочевники (νομαες τε όντες) [16, с. 141]. Кочевничество представляло собой мобильное животноводство: разведение коз и особенно овец [32, с. 77]. В горах корм для таких отар в зависимости от сезона находится на различных уровнях, что требует циклических перегонов скота с верхних пастбищ на нижние и обратно. Такой же в точности тип хозяйства был присущ тогда, кроме албанцев, еще и балканским влахам, о которых писал византийский автор XI в. Кекавмен [15, с. 90].

И вдруг этот вековой ритм нарушается. Согласно А. А. Сафонову, температурный максимум VIII в., позволивший балканским аборигенам уйти в горы от славянских переселенцев, сменился в XIV—XV вв. похолоданием, которое вызвало в тех же горах оскудение летних пастбищ и увеличение толщины снегового покрова на зимних. Вырубка леса сопровождалась эрозией горных почв, участились оползни, усилилось оврагообразование и т. д. Хотя численность албанских горцев и контролировалась институтом кровной мести, все же они предпочли междоусобице спуск в долины [29]. Долины в пределах территории нынешней

Албании в XIII в. были еще густо заселены славянскими земледельцами. Алгоритм албано-славянских взаимоотношений XIII—XVIII вв. подробно исследован А. М. Селищевым [32, с. 83—84]. Из-за Охридского озера от неизбежной албанизации еще можно было уйти на восток. В Пелопоннесе же славяне тыла, подобного Македонии, были лишены.

Таким образом, XV в. в судьбах Пелопоннеса следует считать переломным не только из-за утверждения почти четырехсотлетнего османского ига. За несколько десятилетий до этого сюда началась другая инвазия. Несмотря на то что она далеко не всегда имела форму военного вторжения, ее результатом стало, по выражению А. А. Васильева, «устранение славян» из Мореи. Бывшая Morea снова именуется Πελοπόννησος и населяют ее не славяногреки, а грекоалбанцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Avraméa, A.* Le Peloponnese du IVe au VIIIe siecle: changements et persistances / Ŕ. Avraméa. Paris : Publications de la Sorbonne, 1997. 205 p.

2. Cronica Monemvasiei. Traducere de M. Alexianu și R. Curča. Studiu introductiv i note explicative de A. Madgearu. Jaşi : Editura Performantica, 2005. 103 p.

3. Crusaders as conquerors. The chronicle of Morea. Translated from the greek, with notes and introduction by H. Lurier. Records of Civilization: Sources and Studies. Edited under the auspices of the departament of history, Columbia university. New York, London, 1964. 346 p.

4. *Di Giacomo, F.* Clinal Patterns of human Y chromosomal diversity in continental Italy and Greece are dominated by drift and founder effects / F. Di Giacomo [et al.] // Molecular Phylogenetics and Evolution, 2003, V. 28. P. 387—395.

5. *Fallmereyer, J.-Ph.* Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters von Jacob Phil. Fallmereyer. Zweiter Teil / J.-Ph. Fallmereyer. Stuttgart, Tübingen : J.G. Verlag der Gotta'schen Buchhandlung, 1836. 455 S.

6. *Gorka, O.* Anonymi descriptio Europae orientalis. Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia. Anno MCCCVIII exarata / O. Gorka. Cracoviae : Sumptibus Academiae Litterarum, 1916. 70 p.

7. *Vida, T.* Das slawische Brandgräberfeld von Olympia / T. Vida, T. Vö llig // Archäologie in Eurasien. 2000. Bd. IX. 127 S.

8. *Zakythinos, D. A.* Byzantinische Geschichte 324—1071 / D. A. Zakythinos. Wien; Köln; Graz : Böhlau Verlag. 1979. 446 S.

9. *Κορρέ, Κ.* Εξεγέρσεις Ελλήνων και Αλβανών στην Πελοπόννησο / Κ. Κορρέ // Τα Νέα. 2000, № 16. Режим доступа : http://www.tanea.gr/ellada/article/?aid=4142764. Дата доступа : 08. 03. 2011.

10. Κ. Η. Μπίρη. Αθήνα, 1998. Режим доступа : http://ellines-albanoi.blogspot.com/2009/06/11_14.html. Дата доступа : 08.03.2011.

11. πoννήσιων / Θ. Κ. Πίτσιος // Βιβλιοθήκη Ανθρωπολογικής Εταιρείας Ελλάδος. 1978. Ар. 2. Режим доступа: https://spacezilotes.wordpress.com/2011/07/05/epsilon/ Дата доступа : 08. 03. 2011.

12. *Васильев, А. А.* История Византийской империи. Время от крестовых походов до падения Константинополя (1081—1453 гг.) / А. А. Васильев. СПб. : Алетейя, 1998. 512 с.

13. *Васильев, А. А.* Славяне в Греции / А. А. Васильев // Византийский временник. 1898. Т. V. С. 403—475.

14. *Васильев, А. А.* Ласкарь Канан, византийский путешественник XV века по Северной Европе и в Исландию / А. А. Васильев // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 3—8.

15. *Васильевский, В. Г.* Советы и рассказы византийского боярина XI века / В. Г. Васильевский. СПб : Типография В. С. Балашева, 1881. 169 с.

16. *Веселаго, Е. Б.* Известия Лаоника Халкокондила об албанцах / Е. Б. Веселаго // Византийский временник, 1956. Вып. X. С. 133—160.

17. *Веселаго, Е. Б.* Еще раз о Лаонике Халкокондиле и его историческом труде / Е. Б. Веселаго // Византийский временник, 1958. Вып. XIV. С. 190—199.

18. *Вязьма, Я. Б.* Майноты / Я. Б. Вязьма // Вестник Европы [Электронный ресурс]. 1808. Ч. 42. № 22. С. 143—145. Режим доступа : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1800—1820/Mainoty/text1.htm. Дата доступа : 08. 03. 2011.

19. *Георгий Гемист Плифон*. Речи о реформах / перевод и предисловие Б. Т. Горянова // Византийский временник, 1953. Вып. VI. С. 386—412.

20. *Георгий Сфрандзи*. Хроника / Перевод и примечания Е. Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Т. 5. 1987. С. 187—240.

21. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М. : Наука, 1991. 226 с.

22. *Лаоник Халкокондил*. «История» (из книги VIII) / перевод и предисловие Е. Б. Веселаго // Византийский временник. 1953. Вып. VII. С. 431—444.

23. *Литаврин, Г. Г.* Проблема симбиоза в латинских государствах / Г. Г. Литаврин // Византия и славяне. СПб. : Алетейя, 1999. 608 с.

24. *Лутак, С. В.* Гаплогруппа E1b1b1a (M78) — современные потомки древних египтян / С. В. Лутак, А. А. Колесов // Вестник Российской академии ДНК — генеалогии. 2009. Т. 2 (4). С. 639—669.

25. *Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии / Ф. Малингудис // Византийский временник. 1987. Т. 48. С. 44—52.

26. *Малингудис, Ф.* К вопросу о раннеславянском язычестве: свидетельства Псевдо-Кесария / Ф. Малингудис // Византийский временник. 1991. Т. 51. С. 86—92.

27. *Медведев, И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города / И. П. Медведев. Л. : Наука, 1973. 163 с.

28. Пребывание Мазариса в подземном царстве / пер. С. П. Кондратьева; предисл. и коммент. Т. М. Соколовой // Византийский временник. 1958. Вып. XIV. С. 318—357.

29. *Сафонов, А. А.* Экологические причины албано-славянских этнических конфликтов // Ломоносов: материалы докл. XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев [Электронный ресурс]. М., 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

30. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII—IX вв.) / сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин; под ред. Г. Г. Литаврина. М. : Восточная литература РАН, 1995. 590 с.

31. *Седов, В. В.* Славяне в раннем Средневековье / В. В. Седов. М. : Институт археологии РАН, 1995. 416 с.

32. *Селищев А. М.* Славянское население в Албании / А. М. Селищев. София : Македонск. науч. ин-т, 1931. 350 с.

33. *Удальцова, З. В.* Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке / З. В. Удальцова // Византийский временник. 1951. Вып. IV. С. 91—118.

РЕЗЮМЕ

В XV в. произошло радикальное изменение этнического состава населения полуострова Пелопоннес. В начале Средневековья здесь преобладали славяне. И позднее они оказывали значительное влияние на местное греческое население. Однако в конце XIV в. полуостров стал одним из объектов массированной миграции албанцев, которые претендовали на хозяйственные угодья славян. Славяне оказались вытесненными, но албанцы постепенно превратились в греков.

SUMMARY

In the 15th century a radical change of ethnic structure of the population of the Peloponnese peninsula took place. At the beginning of the Middle Ages Slavs prevailed here. And even later they exerted considerable influence on the local Greek population. However in the very end of the 15th century the peninsula became one of the objects of massive migration of the Albanians, who layed a claim to farming grounds possessed by Slavs. The Slaves were forced out, but the Albanians themselves had turned into Greeks with a course of time.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2011 г.